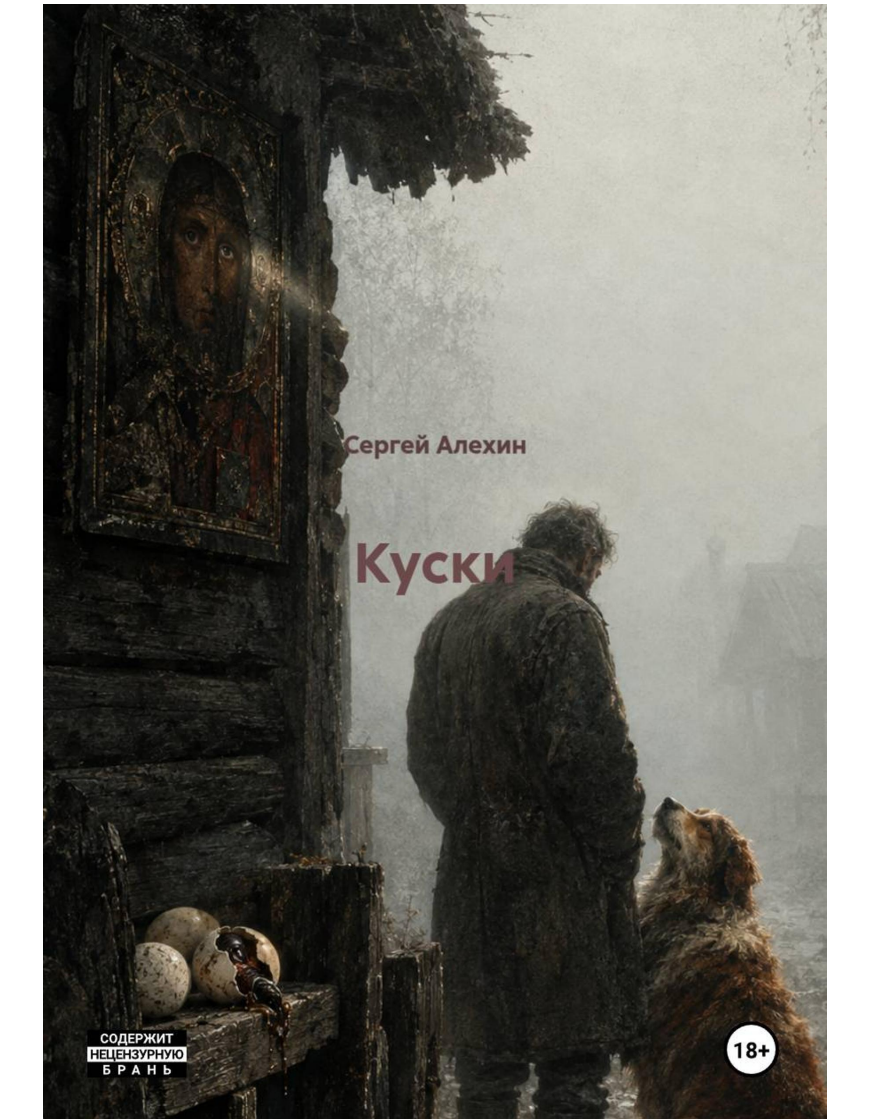

Сергей Алехин

Куски

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Алехин

Куски

<https://litres.ru/74651624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Копытов просыпается в деревне, утонувшей в многодневном тумане, и с облегчением понимает, что не превратился в свинью. Но реальность вокруг куда страннее любого сна: иконы подмигивают, из яиц вылупляется нечто, а соседская собака оказывается единственным существом, способным на настоящую любовь. Гротескная повесть о хрупкой границе между человеком и зверем, сном и явью, голодом телесным и духовным.

Впервые рассказ был опубликован в журнале "Процесс".

Содержание

***

4

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Сергей Алехин

Куски

***

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Иван Копытов обнаружил, что он у себя в постели ни в кого не превратился, а так и остался человеком.

Первым делом он нащупал свой округлый живот, пере-сёк магистраль рёбер, а затем начал как-то неуклюже гладить горбинку носа, прикрыв один глаз. Убедившись, что всё в порядке, Ваня выдохнул. Его тело благодно размякло.

«Это был сон. Всего лишь кошмарный сон. Не копыта. Не пяточок», — подумал он.

Иногда после пробуждения Ваня путал, где реальность, а где грёзы. Особенно если сновидения были приятны. Тогда он сам хотел обмануться, поверить в невозможное, стать счастливее. В этом обмане таилось какое-то спокойствие и уверенность, некая радость хрупкого равновесия, хоть это всё и влекло за собой определённые последствия.

Как-то раз, в свои юные годы, он пошёл к дочке местного священника. Как только она распахнула дверь, Ваня влетел в коридор и впился слюнявым поцелуем в маленький персиковый рот, пытаясь пропихнуть язык между рядами ровных

зубов. Но девушка была не из робких. Она откусила кончик языка извращенца. Тот взвыл от ужасной боли, прикрыв рот рукой, но именно этот шок вернул Ване осознание, что тот романтический вечер, который они провели вместе — это всего лишь сон, а значит, что он не дарил ей сорванных у своей старушки цветов, они не гуляли по тропинкам величественных аллей под щебетание птиц, не было и её случайных касаний, объятий, страстных поцелуев, никто не предлагал сбежать из этой деревушки в город, а самое главное — никто не признавался во взаимной любви.

Был громкий скандал. Парень хотел объяснить ломанной от травмы речью, что это всё ошибка, дурацкая игра разума, что это некий анекдот. Вся жизнь анекдотична. Идиотская кровавая улыбка отпечаталась на его лице. Потом он извинился, но по юной глупости тут же встал на одно колено и, шепелявя, попросил у священника руки его дочери. Тот с бешеным взглядом схватил Ваню за грудки и начал трясти, как тряпичную куклу.

— Я не позволю! Слышишь? Не смей и убирайся, чёрт! — священник вышвырнул Ваню за калитку. Вокруг столпились соседи. Они осуждающе причмокивали и качали головой.

На следующий день оскорблённая семья покинула деревню, а местные затаили обиду, которая меньшим змеем, но всё же пыталась отравить жизнь Вани неприятными мелочами и издёвками: дети в песочницах разыгрывали сценки с его участием, где он походил больше на гротескного шута,

нежели на человека, женщины обходили стороной, сворачивали с дороги и шли домой более длинными, извилистыми путями, а мужчины замолкали при его приближении, укладывая взгляды на кронах деревьев или пряча в творожной массе облаков. Со временем всё забылось и развеялось — ненавистный всеми молодой человек превратился в мужчину со своими причудами.

Этим утром его мучило. Мигрень периодически запикивала свои грязные пальцы в мякоть головы: что-то злое и голодное царапало мозг, сдавливало в районе висков и отгрызало небольшие участки. В эти моменты ему казалось, что разум должен быть прохладным, влажным и чистым, а сейчас он весь в каких-то опилках, в жёстких волосках и в грязи, на самых болезненных участках головного студня небольшие веточки неприятно впивались шипами.

Тошнота подкатила к горлу. Иван встал с кровати. Открыл окно в яблонево́й сад и вдохнул свежего воздуха. Пространство вне дома изнасиловал густой и молочный туман, проникнув во все потаённые места деревни без какого-либо согласия. С ветвей яблонь упало несколько плодов. Их падение было похоже на удачный фокус природы. Вот они на ветвях. Вот срываются под тяжестью собственной спелости. А вот они исчезают в седом и вязком супе. Ябло́к уже не видно, а звук поцелуя с землёй превращается в скоротечное эхо. Взамен приходит тишина.

Нужно ли бежать занавешивать зеркала? Сорок дней

ждать? Голос помнит: треск, падение, время съедает яблоко, как человека, созвучие земли и древесины. А что с плодом Эдема? Запор. Наоборот. Ноги испачканы. Там где-то косточки внутри. Новый сад или просто пир червякам и насекомым. Гниение. Грибок. Станет тоже землёй. Будем ходить по трупам яблок. Компот рая. Морг жизни. А отец как? Тоже червяки завтракают, обедают и ужинают. Нужно впихнуть белковый полдник, бутылочку Мерло. Кости и золотые зубы сливаются тихим сиянием в вакууме чернозёма. Уже сам стал червяком. Нужно его отравить свежим воздухом. Затравить червячка.

Пришёл голод. Он боязливо постучался кулаком в грудную клетку.

Иван прошёл в ванную, почистил зубы и умылся. Показал язык своему отражению в зеркале, начал рассматривать шрам. «Всё же она была хорошенькой», — с грустью подумал Ваня.

Он вернулся в спальню. Натянул серые брюки. Втянул живот. Застегнул их. Нырнул в зелёное поло, взъерошил волосы и надел стабильно-серые носки.

На кухне из холодильника достал три последних куриных яйца, замороженные овощи в пакете, прогорклый куб сливочного масла и молоко, которое сразу же понюхал.

Ваня нагрел сковородку и растопил масло. Когда золотистая жидкость начала покрываться невзрачной пенкой, он высыпал овощи, кинул щепотку соли и накрыл крышкой. За-

тем он взял глубокую миску, вылил в неё остатки молока и стал разбивать яйца.

В углу кухни на небольшой деревянной полке стояло несколько старых живописных икон, живших тут ещё при прадеде, которого Ваня не помнил, потому что не знал.

«Странно. Когда родители были живы, я ни разу не видел, чтобы они молились», — подумал Ваня, рассматривая святых.

Вместе с треском скорлупы второго яйца треснуло и сердце. Ему показалось, что Иисус стал похож на отца, а на иконе Богородицы появились черты матери — тот же взгляд, морщинки, уголки губ остриём ногтя впились в лицо. Отец-Иисус щёлкнул пальцем и подмигнул Ивану, как в какой-то дешёвой рекламе зубной пасты или шампуня. От страха и неожиданности Ваня опустил глаза в миску. В белом озере молока плавали два янтарных островка в пасти алеющей зари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.